



Формирование новых подходов в решении концептуальных вопросов исламской теологии в татарской богословской традиции XIX – нач. XX в.

Р.Р. Шангараев^{1, 2а}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

²Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4790-3244>, abujosf@mail.ru

Резюме: в статье предпринята попытка определения актуальных для современности вопросов, таких как специфика формирования теологического знания, его смыслового поля. Новое время запустило процесс переосмысления критериев разумности и обоснованности. Рядом татарских богословов были заложены отвечающие научным требованиям подходы и методы, пригодные для обсуждения понимания теологии, разработаны концепции теории познания, направленные на осмысленное изучение Корана и Сунны, пересмотр роли схоластической теологии в создании картины мира. Схоластическая теология не могла выработать новые принципы взаимодействия Бога с миром, что приводило к искаженному использованию источников истин. В Коране и Сунне татарские богословы видели широкие возможности для познания действительности. Внедрение в программу обучения естественно-гуманитарных дисциплин было нацелено на выработку научных методов и подходов к изучению священных текстов, предполагало развитие критического подхода к исследованию особенностей Корана, интерпретацию отдельных положений религиозных догматов на основании научной рефлексии. Через решение концептуальных вопросов исламской теологии татарские богословы выработали методы преодоления ряда мировоззренческих проблем мусульманского сообщества.

Ключевые слова: калам; схоластика; Новое время; духовная теология; когнитивно-теоретическая теология; Коран; Сунна; научный подход; консервативный; рефлексия; мировоззрение

Для цитирования: Шангараев Р.Р. Формирование новых подходов в решении концептуальных вопросов исламской теологии в татарской богословской традиции XIX – нач. XX в. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):386–401. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-2-386-401



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



New approaches to solving conceptual issues of Islamic theology in the Tatar theological tradition of the XIX – early XX centuries

R.R. Shangaraev^{1, 2a}

¹*Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation*

²*Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation*

^a*ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4790-3244>, abujosf@mail.ru*

Abstract: The article attempts to identify issues relevant to modernity, such as the specifics of the formation of theological knowledge, the semantic field of theology. Modern times have started the process of rethinking the criteria of reasonableness and validity. In this regard, a number of Tatar theologians have laid down approaches and methods that meet scientific requirements, tools suitable for discussing a new understanding of theology. They have developed the new concepts of the theory of knowledge aimed at a meaningful study of the Quran and the Sunnah, a revision of the role of scholastic theology in creating a picture of the world. After all, the unwillingness to search for models of God's interaction with the world led to a distorted use of the sources of truth. They saw ample opportunities for the cognition of reality in the Quran and the Sunnah. The introduction of natural sciences and humanities into the curriculum was aimed at developing scientific methods and approaches in the study of sacred texts, assumed a critical approach to the study of the features of the Quran, the interpretation of certain provisions of religious dogmas on the basis of scientific reflection. Tatar theologians have developed methods to overcome a number of ideological problems of the Muslim community by solving conceptual issues of Islamic theology.

Keywords: kalam; scholasticism; Modern times; spiritual theology; cognitive-theoretical theology; the Quran; the Sunnah; scientific approach; conservative; reflection; worldview

For citation: Shangaraev R.R. New approaches to solving conceptual issues of Islamic theology in the Tatar theological tradition of the XIX – early XX centuries. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):386–401. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-2-386-401

Введение

В настоящее время становление теологии как образовательной и научной дисциплины «проходит не просто, поскольку ей необходимо четко обозначить свое место в системе гуманитарных знаний» [1, с. 4]. В этой связи в отечественной науке актуальным становится вопрос определения смыслового поля теологии. К.О. Польсков в статье «Два понимания терминов “богословие” и “теология”:



традиция и современные вызовы» [2] рассматривает эволюцию понимания теологии в христианской традиции. Формирование содержательной части теологии в исламе имеет сходные закономерности. Так же, как и в христианской традиции, где в Средние века властвовала схоластика¹, в мусульманской мысли в этот период доминировал калам – схоластическая (спекулятивная) теология.

Калам можно определить как когнитивно-теоретическую модель духовной теологии. Духовная теология формировалась в первые два века развития исламской цивилизации и характеризовалась пониманием «богословия как духовной практики, ведущей к богообщению, а также соответствующему этой практике особому – аскетическому – образу жизни» [2]. Становление и развитие когнитивно-теоретической модели духовной теологии происходило преимущественно в аббасидский период. В процессе формирования она приобрела традиции, возникшие в средневековых богословских школах, рассматривавших калам как науку. «В соответствии с аристотелевским пониманием эта наука представляла собой особый вид причинно-следственного знания о божественном, основанный на общих законах человеческой логики» [2]. Однако с развитием научно-технической революции перипатетическое понимание науки, ограниченное сферой размышления, перестало отвечать требованиям времени. В поиске ответа на новый общественный вызов ряд татарских богословов обосновали отвечающие научным требованиям подходы и методы, пригодные для обсуждения нового понимания теологии.

Предлагаемый в статье методологический подход позволяет переосмыслить многие внутренние процессы в татарском обществе, в том числе дискуссии о позиционировании проблемы познания в каламе (схоластической теологии), роль калама в формировании теологических воззрений татарских богословов, а также обсуждения джадидского (модернистского) или кадимистского (консервативного) подходов в реформе системы образования.

Позиционирование проблемы познания в каламе (схоластической теологии)

Кризис в восприятии и применении средневековой модели калама (теологии) привел к отрыву религии от реальных проблем жизни, непониманию большинством учащихся медресе смыслов священных текстов, засилью схоластики

¹ Схоластика характеризуется соединением теолого-догматических предпосылок с рационалистической методикой и интересом к формально-логическим проблемам.



и догматики, развитию «искаженного» суфизма, предрассудков, пренебрежению первоисточниками ислама – Кораном и Сунной и т.п. Эти негативные явления, наблюдаемые в жизни мусульманского общества, стали причиной обсуждения новых подходов, направленных на соответствующее времени понимание теологии. Татарские мыслители – Г. Курсави, Ш. Марджани, Г. Баруди, М. Бигиев и многие другие – обратили внимание на проблему соответствия богословских догм действительности, выступили за необходимость формирования новых концепций познания², направленных на осмысленное и глубокое изучение Корана и Сунны, пересмотр роли схоластической теологии в создании картины мира. В интерпретации религиозных истин эти богословы призывали придерживаться главенства «Корана и Сунны, которые должны иметь преимущество по отношению к любой созданной человеком традиции» [3, с. 133]. Таклиду, практиковавшемуся несколько веков, они противопоставляли ханафитско-матуридитскую основу познания: «Религия должна основываться не на вере в авторитеты (таклид), а на доказательствах» [4, с. 152]. Таклид в данном контексте обозначал следование мнению ученого-богослова и его решению в каком-либо богословско-правовом вопросе, без вникания в доказательную базу и аргументацию этого мнения и решения. Такое «слепое доверие, т.е. фатальная склонность многих присоединиться к какому-нибудь духовному и религиозному авторитету, без понимания основ его взгляда», [5] получило широкое распространение в средневековом мусульманском обществе.

Происходившие в мире в Новое время изменения в культуре, науке, мировоззрении затронули и богословское осмысление реальности. Практика следования неизменным традициям постепенно отступает в прошлое. В татарской религиозной жизни происходит «пробуждение умов». По творчеству татарских богословов можно судить об изменениях в восприятии и применении средневековой модели калама. Адепты классического татарского богословия подвергали критике устоявшуюся методологию интерпретации вопросов веры на основе

² Познание в религии достигается через предания и при помощи разума. Человек располагает в основном тремя средствами познания: органами чувств, преданиями, разумом. Разум, согласно Абу Мансуру ал-Матуриди, является наиболее важным из всех других инструментов, потому что без его помощи другие средства не могут дать никакого реального знания. Поэтому в Коране, если человек намерен познавать истину, неоднократно приказывается ему мыслить, обдумывать и судить при помощи рассудка. Однако разуму требуется внешний помощник, который защитил бы его от заблуждений и вывел бы его на верный путь, помогал бы ему понимать тонкие и темные дела и познавать истину. Этим помощником, согласно ал-Матуриди, является божественное откровение, полученное Пророком.



лишь калама. Например, Г. Курсави (1776–1813) видел в каламе не соответствующий времени инструмент в познании единобожия (таухид). Он отстаивал необходимость отделения калама от науки о единобожии, подчеркивая несостоятельность существующей методологии калама в раскрытии этой науки. В главе о тасаввуфе своего труда «Наставление людей на путь истины» он пишет: «Истинный таухид состоит в нечто ином, не понимают его большинство мутакаллимов, а если и понимают, не обладают этим свойством, ибо они не превосходят ‘амми³ кроме как искусством и знанием методов полемики и всех особенностей этого занятия, не знали об этом ничего в первом веке, наука Корана была у них всей наукой» [6, с. 176]. В этой главе он перечисляет этапы духовной практики, ведущей к единобожию, призывая начать с исправления действий по образцу сунны Пророка [6, с. 170]. Таким образом, Г. Курсави определяет еще одно поле теологии – науку о единобожии, отличающееся от существующего тогда когнитивно-теоретического поля (калам). По мнению Д.А. Шагавиева, Ш. Марджани также считал «позволятельным и необходимым для мусульман изучать науку о единобожии. При этом калам понимался им как нечто отличное от науки о единобожии, точнее – выходящее за дозволенные рамки этой науки» [7, с. 106].

Г. Утыз-Имяни (1754–1834) отмечал, что увлечение мутакаллимов умозрительными заключениями сводилось в конечном итоге к банальному желанию подавить мнение оппонента, в то время как менее всего шла речь о поиске истины. «Причину несостоятельности ученых он видит в том, что они всю свою энергию тратили на бесполезные разговоры (калам) вместо того, чтобы заниматься тафсиром, фикхом и хадисами» [3, с. 247]. Г. Утыз-Имяни призывал ограничивать область применения калама узкими рамками необходимости с условием наличия доказательств из Корана [8, с. 124]. Он считал, что поздние мутакаллимы ашаритско-матуридитской школы «перешли границы дозволенного в отношении калама и превратили эту область знаний не только в бесполезную, а даже вредную, опасную схоластическую науку, от которой нет никакой практической пользы» [8, с. 125]. Об этом говорит спустя век и М. Бигиев (1875–1949), на личном опыте испытывавший несостоятельность мусульманской системы образования: «Спекулятивная теология (калам) оказалась ничем иным, как борьбой незнания с невежеством и бессмысленным обсуждением противоречивых проблем» [9, с. 8].

Негативное отношение ученых к схоластике характеризует запрос общества своей эпохи, требовавшего перемен в области образования, где калам занимал цен-

³ ‘амми – простые люди



тральное место. Ш. Марджани (1818–1889) полагал теологические книги мутакаллимов не гармоничными с данным временем. Первостепенную важность татарский богослов отводил необходимости изучения Корана и Сунны [7, с. 109]. Об этом говорил ранее и Г. Курсави. Он указывал, что люди перестали правильно расставлять приоритеты между священными текстами и догматикой. Коран и Сунна являются «коренной основой основ религии» [6, с. 90], однако в спорных ситуациях люди склоняются в сторону фикха и калама. Он с досадой заявлял: «когда противоречит между собой текст (насс) [Корана и Сунны] и высказывание факиха, то действуют согласно высказыванию факиха, а текст (насс) не учитывается» [6, с. 90].

При этом необходимо отметить, что деятельности этих богословов, в отличие от традиционалистов или салафитов, присуща направленность на развитие мусульманского общества, а не на возврат к идеальному прошлому. Для улучшения положения дел они радели за реформы в татарском обществе, в том числе в области образования, где Коран и Сунна изучались бы с учетом достижений современных реалий.

Мы видим, что ущербная методология схоластической теологии (калама) обсуждалась многими татарскими мыслителями и спустя век после Г. Курсави. Так, Р. Фахретдин (1858–1936) в журнале «Шура» пишет, что в книгах акыды (вероучение) устоялась методология, направленная более на опровержение мутазилитских концепций, чем на изложение догматов вероучения в соответствии с Кораном и Сунной [10, с. 285].

За годы средневековой стагнации духовная сила Корана и Сунны была низведена до символического значения, что привело к тому, что люди перестали искать дух Корана и Сунны, а держались всего лишь их «буквы». «В те времена мы всерьез полагали, что Коран представляет собой сборник зикров, предназначенных для зачитывания в мечетях, на религиозных меджлисах, кладбищах и в свободное время для того, чтобы снискать божье довольство. Мы считали, что хадисы представляют собой сентенции о различных жизненных ситуациях, применяемые в проповедях для пробуждения в мужиках хоть какой-то заинтересованности или для того, чтобы попросту запугать их» [9, с. 9]. Автор этой цитаты М. Бигиев, обучаясь в Бухаре, Стамбуле, Мекке и Медине, в Сирии, Индии и Египте, везде обнаруживал схожую картину. Анализ этих источников осуществлялся не столько для овладения методологией принятия решений Пророком, сколько для использования тех или иных ситуаций из жизни Пророка в частных случаях. Как писал Р. Фахретдин, в те времена сунну Пророка изучали не ради совер-



шенствования деяний, угодных Богу, а ради обретения благодати, например для одоления бедствий вроде эпидемий или войн [11, с. 483]. Выпускники медресе, по словам М. Бигиева, были совершенно несведущими в исламских науках и не знали духовного наследия. Укоренившееся в Средние века «неверное понимание духа и сути ислама порой приводило к отрицанию пользы научного знания» [12].

В средневековой схоластической теологии проблема познания занимала значительное место. При этом к рационализму обращались для обоснования тех или иных положений догматики, выявляли границы познания и возможности разума. Рационалистический подход широко применялся в комментировании религиозных постулатов. Однако такой схоластический рационализм не был в состоянии разрабатывать новые концепции познания, поскольку считалось, что шариат уже выработал решение всех мировоззренческих проблем. Такое концептуальное однообразие, тянувшееся веками, нежелание поиска новых принципов взаимодействия Бога с миром приводили к искаженному использованию источников истин. Эта религиозная традиция, распространившаяся в средневековых медресе, привела к снижению влияния знаний по Корану и сунне Пророка.

Татарские богословы XIX века, выступая с позиций необходимости осмысления принципов единобожия, предлагали ограничить область применения таклида и развивали идею возрождения иджитхада. Как отмечает Ф.М. Нуриахметова, «тем самым отвергались посредники между Богом и верующими, утверждалась возможность непосредственного обращения к Всевышнему в поисках истины» [12]. В Коране они видели широкие возможности для познания.

Новые методы интерпретации Корана как инструмент формирования мировоззрения

Представление мира, создаваемое наукой Нового времени в его западном понимании, стало трактоваться как нечто противоречащее по отношению к религии. Религиозную прерогативу осмысления жизни начала перетягивать на себя наука. «Человеческая потребность понять смысл и значение личности во Вселенной... стала... острее, на что повлияли более широкие перспективы, открывающиеся науками» [13, с. 14]. Осознание необходимости переформулирования религиозных концепций в свете картины мира, созданной науками, приобретает особую значимость. «Возрождение Корана становится точкой опоры и основным аргументом для большинства возникающих идей и предложений по реформированию исламского образования» [14, с. 156].



Мусульманские интеллектуалы обладали пониманием все более разрастающегося значения взаимосвязи между наукой и религией. Становление современного им общества определялось успехом развития этой взаимосвязи. Под наукой они подразумевали естественные науки, которые включали не только физику, химию и биологию, но и науки о человеке – психологию, антропологию, медицину. Внедрение дисциплин естественно-научного характера в программу обучения медресе и мектебе должно было способствовать развитию исследовательского интереса к Корану.

Примечательно, что такое понимание необходимости реформы образования происходило на всех уровнях религиозной системы татар. Так, совещание духовных лиц при ОМДС в 1913 г. рекомендовало «создать современную национальную школу с родным языком обучения, в которой численность светских дисциплин превышала бы религиозные» [15, с. 156]. Участники совещания по вопросу о предметах преподавания в мусульманской конфессиональной школе, со ссылкой на аяты Корана и хадисы, а также на труды духовных лиц из разных регионов, составили перечень из 34 учебных предметов, значительную часть которых представляли дисциплины естественно-гуманитарного характера [16, с. 31]. Протокол данного совещания рассмотрели и подписали ряд высокопоставленных религиозных деятелей, представлявших российские регионы с компактным проживанием мусульман. В нем приводятся доказательства из исламского шариата, обосновывающие необходимость изучения дисциплин, формирующих программу обучения в мектебе и медресе. В частности, программа обучения в медресе была представлена такими дисциплинами религиозного блока, как корановедение и таджвид, хадисоведение, наука о нравственности (этика), священная история (история пророков), история ислама, догматика (‘ильми калям), законоведение (‘ильми фикх), основы законоведения (усуль-и-фикх), логика, арабский язык и литература, биография пророка Мухаммеда, история религий, наука о назиданиях и проповедях, богословская философия. Естественно-научная направленность обучения была представлена не типичными для религиозного учебного заведения дисциплинами, такими как основы ведения сельского хозяйства, медицина, химия, гигиена, алгебра, геометрия, география, ботаника, зоология, геология, антропология, экономика, метафизика и психология, физика, астрономия и космография. Также в перечне обязательных предметов были родной, государственный, иностранные языки, национальная история, история Отечества и всеобщая история.



В качестве доводов в пользу необходимости изучения предметов из вышеприведенного перечня богословами приводятся цитаты из Корана и (или) сунны Пророка. Например, важность изучения географии подтверждается следующими стихами (айатами) из глав (сур) Корана: «Разве они не путешествовали по различным странам, разве они не видели, какой конец постиг их предшественников (30:9)⁴; «Разве не бросали они взоров на Землю, как была она распростерта, и не обращали внимания? Конечно, должны были обратить внимание» (Коран, 88:21). «Из этих стихов ясно, – делают вывод авторы Акта, – что путешествовать по Земле и брать пример с прежних народов, знать страны, где они жили, какая участь постигла их, необходимо мусульманам <...> повелевается изучить всевозможные состояния и положения Земли» [16, с. 14].

Айат Корана 51:21 «Имеются на Земле знамения могущества Божия для тех, кто питает твердую веру» авторы Акта интерпретируют следующим образом: «Стихом этим повелевается изучать знамения Божия на Земле. А изучение сих знамений возможно лишь по предварительному ознакомлению с реками, морями, горами, деревьями, растениями, животными и другими предметами естествоведения, с изучением свойств и пользы их» [16, с. 14]. Из вышеизложенного выводится, что, для выполнения требований Господа необходимо заняться исследовательским поиском.

Или, например, в качестве доказательств обязательности изучения ботаники в медресе богословы приводят следующие стихи Корана: «Еще недавно ты видел землю иссушенной; но мы велели в нее низойти воде, и вот она всколыхнулась, разбухает и вызывает к росту всевозможные роскошные растения, в обоих полах, т.е. парами» (Коран, 22:5). Опираясь на этот стих, авторы призывают изучать этапы зарождения жизни на планете, ее эволюционное развитие: «В нем говорится о времени безжизненного состояния Земли, о ее оживлении водой, о повышении созидательной ее силы и появлении на ней растительного царства» [16, с. 21]. В качестве второго доказательства авторы приводят айат (Коран, 50:8) «А Земля... Мы распростерли ее, разбросали на ней горы и произвели на ней прекрасные пары всех видов». Чтобы раскрыть глубокий смысл данного айата, необходимо понять особенности геологического строения планеты, получить сведения о биологическом мире, научиться извлекать пользу от этих знаний. Освоить все эти знания можно лишь при помощи науки естествоведения, в частности ботаники, заключают авторы.

⁴ Здесь и далее перевод Корана и нумерация сур и аятов приводится как в Акте. Современная нумерация отличается.



Аналогичным образом доказывались необходимость изучения не только естественных наук, но и лингвистических, исторических, философских и других гуманитарных дисциплин, не говоря уже о религиозных науках.

Аргументы приводятся и для обоснования необходимости приобретения богословских знаний (слушание и чтение лекций, осмысление научно-религиозных основ есть наивысший религиозный долг мусульманина), обучения в коллективной форме (следует собираться из разных мест в одно и сообща учиться), участия в строительстве и ремонте учебных заведений (мектебе и медресе суть места, предназначенные для чтения лекций, а потому основание и ремонт таких школ относятся к числу обязательных деяний), получения образования женщинами (основание школ, как мужских, так и женских, обязательно для последователей ислама, равно как и обязательно и обучение в них). В качестве доказательства значимости выстраивания системы образования, развития педагогики авторы приводят, например, такой хадис: «Относительно группы людей, занятой восхвалением Бога и молитвами, Пророк высказался, что они поклоняются и молятся Богу, но что Бог может уважить или не уважить их молитву. Относительно же группы, занятой учением и обучением других непросвещенных, высказался, что последние превосходят первых» [16, с. 5].

Таким образом, мусульманское сообщество ощутило на себе перемены в восприятии окружающего мира, а традиционное понимание религии испытало в полной мере влияние наук. При этом со стороны богословов наблюдается отсутствие антагонизма к воздействию науки. Более того, исламский шариат показал готовность к широкому взаимодействию между богословием и наукой. Это означало, что Священное Писание мусульман было открыто философской критике, а его социальные положения – психологическому изучению, социологическому исследованию. Постигание науки в религиозной системе было нацелено на осмысленное понимание Корана, формирование религиозно-научного мировоззрения, на творческое отношение к действительности.

Журнал «ад-Дин ва-ль-адаб»: формулирование новых требований к толкованиям Корана

В начале XX века концепция обучения на новом понимании Корана с ее критериями разумности и обоснованности применялась в большинстве татарских медресе. Программа таких медресе была нацелена на выработку научных методов и подходов в изучении священных текстов, предполагала критический



подход к исследованию особенностей Корана, обеспечивая междисциплинарный консенсус между богословием и наукой.

Процесс расширения критериев разумности и обоснованности выходит и за систему образования. В 1906 году Г. Баруди (1857–1921) открывает площадку, где можно было бы довести до внимания читателей современные подходы в раскрытии религиозных и культурных вопросов. Богослов и педагог начинает издавать журнал «ад-Дин ва-ль-адаб» (Религия и культура), Журнал позиционировался как продолжатель теологической школы Г. Курсави, Ш. Марджани, издание, призывающее к религиозному обновлению (таджид) и реформе (ислах), противник некоторых консервативных (кадимистских) воззрений. В то же время следует сказать, что модернистская (джадидская) мысль не являлась целеполагающим направлением журнала. Это периодическое издание можно рассматривать как исправляющее крайние консервативные воззрения и подвергающее тщательному богословскому анализу модернистские взгляды. Ведь определенную опасность представляла собой и наука Нового времени, и ее философия, порой ведущая к атеизму и самоуничтожению человечества. То есть журнал был далек от крайностей и избегал нанесения ущерба существующему положению мусульманского сообщества, был направлен на сбалансированное развитие общественных отношений. Такой подход актуален и для сегодняшнего противоречивого времени.

Г. Баруди и его соратники на основе богословского опыта стремились найти ответы на культурный и интеллектуальный вызов современности. Так, в статье «Почему бросили Коран?» Ш. Шараф (1877–1938), один из активных авторов журнала, сосредоточивает внимание читателей на необходимости развития рефлексивного мышления, способности анализировать, оценивать принятые решения и перспективы, к чему, собственно, и призывает Коран. «Мы ниспослали Коран для размышлений», – говорит Всевышний, однако с нашей стороны рефлексивным процессам еще не придается большого значения», – пишет этот богослов [17, с. 39].

В современных тафсирах «следует опираться не только на традиционные коранические науки, но также использовать научные данные и умеренные философские рассуждения» [14, с. 161], – призывал Мухаммад-Наджиб Тунтари (1863–1930), другой единомышленник Г. Баруди. По мнению Г. Баруди, религия не ограничивается вопросами поклонения и веры, она также охватывает общественные, политические, культурные и другие сферы жизни [18, с. 10].



Весьма любопытно в этой связи отношение сторонников религиозного консерватизма, не принимающих идеи религиозного обновления. В частности, в своем тафсире М.-С. Иманкулый (1870–1932) «не выходил за рамки средневековых классических тафсиров и методов толкования Корана, не комментировал Коран опираясь на собственное мнение, а лишь подготовил смысловой перевод Корана и добавил к нему толкования из разных классических источников. Об этом свидетельствует и тот факт, что он не связывал смысл коранических аятов с развитием общества, науки и технологии того времени» [19, с. 50].

Используя новые подходы и концепции, татарские религиозные мыслители «стремились доказать, что в Коране содержатся указания на законы эволюции природы и общества, на современные достижения человеческой мысли» [12]. Г. Баруди и его соратники наметили новые направления для коранической экзегетики, внедряя в традиционные методы толкования Корана научный метод познания, тем самым обозначив, что богословие и наука связаны между собой неразрывными узлами.

Заключение

Татарские богословы смогли доказать, что в теологических изысканиях так же, как и в научных, могут быть представлены общие свойства объектов, структур и процессов, характерные для земного мира. Фактически они продемонстрировали творческую мысль, позитивно отреагировали на вызов времени и смогли защитить население от посягательств науки на единоличное владение умами. Мусульманские ученые стремились доказать, что Коран и Сунна содержат в себе обоснованные знания о действительности. Подходы, предлагаемые учеными, позволяли раскрыть познавательный контекст исламской теологии в свете новых знаний, полученных науками. Новые концепции и методы исламской теологии способствовали решению общественных, социальных, мировоззренческих проблем населения.

Литература

1. Мухаметшин Р.М., Ахмедов С. *Современные проблемы исламской теологии: учебное пособие*. Казань: Российский исламский институт; 2017. 405 с.
2. Польсков К.О. Два понимания терминов «богословие» и «теология»: традиция и современные вызовы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ponimaniya-terminov-bogoslovie-i-teologiya>



traditsiya-i-sovremennyye-vyzovy?ysclid=lgbwxhifi7268175531 (дата обращения: 25.02.2023).

3. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: очерки истории и культуры*. М.: ИВ РАН; 2018. 456 с.

4. Рудольф У. *Ал-Матуриди и суннитская теология в Самарканде*. Трутанова Л. (пер. с нем.). Алматы: Фонд «XXI век»; 1999. 286 с.

5. Якубов С.Х. *Учение Абу Мансура Матуриди о бытии и познании*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-filosofii/uchenie-abu-mansura-maturidi-o-bytii-i-poznanii.html?ysclid=lfv1d6fu7w89591051> (дата обращения: 26.02.2023).

6. Курсави Абу-н-Наср. *Наставление людей на путь истины*. Пер. с араб. Казань: Татар. кн. изд-во; 2005. 304 с.

7. Марджани Ш. *Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига)*. Шагавиев Д. (предисл. и пер. с араб.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2008. 479 с.

8. Адыгамов Р.К. *Габдрахим Утыз-Имяни*. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ; 2005. 234 с.

9. Бигиев М. *Избранные труды: в 2 т.* Хайрутдинов А. (сост. и пер. с осман.). Т. 2. Казань: Татар. кн. изд-во; 2006. 256 с.

10. Фәхреддин Р. Матбугат әсәрләре. *Шура*. 1915;(9):285–286.

11. Фәхреддин Р. *Жәвәмигуль-кәлим шәрхе*. Казан, 1989. 552 б.

12. Нуриахметова Ф.М. *Основные идеи мусульманского реформаторства: религиозные традиции и новации*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/viewer_images/17510350/f/1.png (дата обращения: 01.03.2023).

13. Пикок А. *Богословие в век науки: модели бытия и становления в богословии и науке*. Пер. с англ. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея; 2004. 416 с.

14. Батыркаев Т.О., Гарипов Н.К. *Коран в России: Учебное пособие*. Казань: Магариф; 2008. 383 с.

15. Загидуллин И.К. Оренбургское магометанское духовное собрание и вопросы обновления содержания обучения конфессиональных школ (конец XIX – начало XX в.). *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2022;3:146–161.

16. *Акт частного совещания духовных лиц округа Оренбургского магометанского духовного собрания на 14 и 15 декабря 1913 года, созванного с разрешения г. министра Внутренних дел, по вопросам о магометанских конфессиональных школах (мектебе и медресе), в общедоступном толковании текстов Корана*. Уфа: Электрич. губернк. типография; 1914. 34 с.



17. Шәрәф Ш. Коръәнне ни өчен ташлаганнар? *Әд-дин вәл-әдәб*. 1915;17:39.
18. Баруди Г. Игътикад вә гыйбадәттән башка бабларда да бәндә дингә мохтаж. *Әд-дин вә-л-әдәб*. 1906;2:10.
19. Саяхов Р.Л. Современные научно-богословские исследования на базе Болгарской исламской академии. *Духовный мир мусульманских народов: материалы Международной научно-практической конференции (XVI Акмуллинские чтения) 14-15 декабря 2021*. Т. I. Уфа: Издательство; 2021. С. 45–54.

References

1. Mukhametshin R.M., Akhmedov S. *Sovremennye problemy islamskoy teologii: uchebnoe posobie* [Modern Problems of Islamic Theology: a textbook]. Kazan: Russian Islamic Institute; 2017. 405 p. (In Russian)
2. Pol'skov K.O. *Dva ponimaniya terminov "bogoslovie" i "teologiya": traditsiya i sovremennye vyzovy* [Two understandings of the terms "theology": tradition and modern challenges]. [Electronic source]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ponimaniya-terminov-bogoslovie-i-teologiya-traditsiya-i-sovremenne-vyzovy?ysclid=lgbwxhifi7268175531> (Accessed: 25.02.2023). (In Russian)
3. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2018. 456 p. (In Russian).
4. Rudolf U. *Al-Maturidi i sunnitskaya teologiya v Samarkande* [Al-Maturidi and Sunni theology in Samarkand]. Trutanova L. (tr. from German). Almaty: The XXI Century Foundation Press; 1999. 286 p. (In Russian)
5. Yakubov S.Kh. *Uchenie Abu Mansura Maturidi o bytii i poznanii* [The teaching of Abu Mansur al-Maturidi about being and cognition]. [Electronic source]. Available at: <http://www.dslib.net/istoria-filosofii/uchenie-abu-mansura-maturidi-o-bytii-i-poznanii.html?ysclid=lfv1d6fu7w89591051> (Accessed: 26.02.2023). (In Russian)
6. Kursavi Abu-n-Nasr. *Nastavlenie lyudey na put' istiny* [Instructing people to the path of truth]. Tr. from Arabic. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005. 304 p. (In Russian)
7. Mardzhani Sh. *Zrelaya mudrost' v raz'yasnenii dogmatov an-Nasafi (al-Khikma al-baliga)* [Mature wisdom in explaining the dogmas of an-Nasafi (al-Hikma al-baliga)]. Shagaviev D. (preface and tr. from Arabic). Kazan: Tatar Book Publishing House; 2008. 479 p. (In Russian).
8. Adygamov R.K. *Gabdrakhim Utyz-Imyani* ['Abd al-Rahim Utiz-Imani]. Kazan: Nauka Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2005. 234 p. (In Russian)



9. Bigiev M. *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 volumes]. Khairutdinov A. (preface and tr. from the Ottoman). Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2006. 256 p. (In Russian)
10. Fakhreddin R. Matbu'at atharlare [Works in the press]. *Shura* [Council]. 1915;(9):285–286. (In Tatar)
11. Fakhreddin R. *Jawami'ul-kalim sharhe* [Comments on hadiths]. Kazan, 1989. 552 p. (In Tatar)
12. Nuriakhmetova F.M. *Osnovnye idei musul'manskogo reformatorstva: religioznye traditsii i novatsii* [The main ideas of Muslim reformism: religious traditions and innovations]. [Electronic source]. Available at: https://cyberleninka.ru/viewer_images/17510350/f/1.png (Accessed: 1.03.2023). (In Russian)
13. Peacocke A. *Bogoslovie v vek nauki: modeli bytiya i stanovleniya v bogoslovii i nauke* [Theology for a scientific age: being and becoming – natural, divine and human]. Tr. from English. Moscow: St. Andrew's Bible and Theological Institute; 2004. 416 p. (In Russian).
14. Batyrkaev T.O., Garipov N.K. *Koran v Rossii: uchebnoe posobie* [The Quran in Russia: a Textbook]. Kazan: Magarif Press; 2008. 383 p. (In Russian)
15. Zagidullin I.K. Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie i voprosy obnovleniya soderzhaniya obucheniya konfessional'nykh shkol (konets XIX – nachalo XX v.). [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and issues of updating the teaching content of confessional schools (late XIX – early XX century)]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [The Echo of Centuries]. 2022;3:146–161. (In Russian)
16. *Akt chastnogo soveshchaniya dukhovnykh lits okruga Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya na 14 i 15 dekabrya 1913 goda, sozvannogo s razresheniya g. ministra Vnutrennikh del, po voprosam o magometanskikh konfessional'nykh shkolakh (mektebe i medrese), v obshchedostupnom tolkovanii tekstov v Korane* [The act of a private meeting of the clergy of the Orenburg district of the Mohammedan Spiritual Assembly on December 14 and 15, 1913, convened with the permission of the Minister of Internal Affairs, on the issues of Mohammedan confessional schools (mekteb and madrasah), in the public interpretation of texts in the Quran]. Ufa: Electric Provincial Printing House; 1914. 34 p. (In Russian)
17. Sharaf Sh. Qor'anne ni ochen tashlagannar? [Why did they abandon the Quran?]. *Al-Din wal-adab* [Religion and culture]. 1915;17:39 (In Tatar)
18. Barudi 'A. I'tiqad wa 'ibadattan bashka bablarda da banda dinga mohtaj [A person needs religion not only in faith and worship]. *Al-Din wal-adab* [Religion and culture]. 1906;2:10. (In Tatar)



Шангараев Р.Р.

Формирование новых подходов в решении концептуальных вопросов...

Minbar. Islamic Studies. 2023;16(2):386–401

19. Sayakhov R.L. Sovremennye nauchno-bogoslovskie issledovaniya na baze Bolgarskoy islamskoy akademii [Modern scientific and theological studies on the basis of the Bulgarian Islamic Academy]. *Dukhovnyy mir musul'manskikh narodov: materials of the International Scientific and Practical Conference (XVI Akmuллин Readings) on December 14-15, 2021*. Vol. I. Ufa: Publishing House; 2021, pp. 45–54. (In Russian)

Информация об авторе

Шангараев Роберт Рашитович, кандидат исторических наук, доцент кафедры систематической теологии, декан теологического факультета, Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация; доцент кафедры теологии, Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация.

About the author

Robert R. Shangaraev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Systematic Theology, Dean of the Faculty of Theology, Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation; Associate Professor of Department of Theology, Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 марта 2023

Одобрена рецензентами: 18 апреля 2023

Принята к публикации: 10 мая 2023

Article info

Received: March 28, 2023

Reviewed: April 18, 2023

Accepted: May 10, 2023